

А. Л. ЛИФШИЦ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

**КАЗАНСКИЕ ОТРЫВКИ В. И. ГРИГОРОВИЧА:
К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ РАННЕГО СЛАВЯНСКОГО
РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ***

1. После того, как в 2011 г. в состав Казанского (Приволжского) федерального университета со всеми своими подразделениями вошел Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, сотрудникам Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского предстояло оценить те книжные богатства, которые теперь оказались в зоне их ответственности. Часть книг попала в Отдел рукописей и редких книг, и среди них Эльмирой Исхаковной Амерхановой, тогда – заведующей, а в настоящее время – заместителем директора библиотеки, были обнаружены фрагменты двух рукописей. В процессе инвентаризации, которая проводилась еще в 1930-х гг. в библиотеке Восточно-педагогического института¹, они, вероятно, из-за сходства размеров и одинакового писчего материала – пергамена – были учтены как одна единица хранения. По-видимому, тогда же на первом листе одного из отрывков появился номер «1328» и было написано предполагаемое название: «Толковое Евангелие».

В настоящее время в результате исследований, которые были совместно проведены Э. И. Амерхановой и автором этих строк, было

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Лингвосомиотические аспекты истории русской культуры: Средние века и раннее Новое время», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

¹ Так с 1922 г. по 1934 г. назывался основанный в 1875 г. Казанский учительский институт – предшественник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

установлено, что 23 пергаменных листа происходят из двух разных рукописных кодексов, которые могут быть датированы на основании палеографических признаков концом XIII в. В настоящее время фрагменты учтены как две единицы хранения и получили в Научной библиотеке Казанского университета номера 10401 и 10402. По результатам исследований были написаны две статьи, в которых подробно описываются найденные отрывки и прослеживается их история (Амерханова, Лифшиц I; Амерханова, Лифшиц II).

Удалось установить, что оба фрагмента происходят из рукописей, привезенных В. И. Григоровичем из его знаменитой экспедиции 1844–1845 гг., во время которой он посетил монастыри Афона и труднодоступные обители Македонии, Сербии и иных славянских стран (Григорович 1877).

Само по себе обнаружение фрагментов пергаменных рукописей случается не так редко: в переплетах позднейших книг полоски пергамена, служащие для скрепления блока, используемые в проклейке и т. п., – не редкость. Но находка достаточно объемных отрывков рукописных книг, к тому же столь ранних по времени написания, – событие весьма нечастое.

2. Начиная с 1950-х гг. возобновленная Археографическая комиссия Академии наук предпринимала колоссальные усилия по максимальному учету славянских рукописных древностей. Важнейшим результатом стал изданный в 1966 г. «Предварительный список славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв.», который на основании печатных каталогов и описей собраний составила сотрудник Археографической комиссии РАН Нина Борисовна Шеламанова (Шеламанова 1966). В нем оказались учтены 1493 единицы хранения, из которых ровно триста оказались датированы XIII столетием. В дальнейшем список рукописей XIII в. пополнялся: в основном за счет исправления и уточнения старых датировок. В опубликованный в 1984 г. первый выпуск задуманного «Сводного каталога» было включено 354 описания рукописей и их отрывков, написанных предположительно с рубежа XII–XIII по рубеж XIII–XIV вв. (СК XI–XIII). Какая-то их часть в дальнейшем получила иные датировки, несколько десятков единиц хранения, не попавшие в это издание, напротив, были отнесены к XIII столетию – промежуточный итог на начало наступившего

столетия был зафиксирован в дополнениях к первому выпуску «Сводного Каталога» XIV века (Турилов, 2002)².

3. Надо сказать, что с самого начала работы по составлению перечня сохранившихся славяно-русских рукописных книг исследователям было понятно, что во многих случаях одна рукопись в силу разных обстоятельств может быть разделена на несколько частей, которые могут находиться в разных учреждениях, городах, или даже странах. То есть заведомо количество учтенных глаголических и кириллических памятников южно- и восточнославянской книжной письменности этого периода оказывалось существенно меньшим, чем полторы тысячи единиц хранения, отраженные в «Предварительном списке».

А поскольку, как уже сказано, учтенными оказывались отдельные листы, а иногда части листов и даже меньшие по объему фрагменты славянских кодексов, то нельзя не признать, что сохранность раннего славянского книжного наследия выглядит прискорбно.

Разумеется, тому есть множество объективных причин: многочисленные междоусобные и иные войны, опустошительные пожары, у южных славян – османская экспансия, на Руси – катастрофа 1238 года, Смутное время, безжалостное истребление пергаменных книг для технических нужд на Московском печатном дворе... Все это и многое-многое другое ни в малейшей степени не способствовало сбережению книг, которые и без того ветшали от постоянного использования и естественным образом заменялись новыми рукописными, а после – и напечатанными в типографиях кодексами.

Очевидно также, что утрата письменных памятников не была равномерной. Были регионы, пострадавшие чудовищно, как Старая Рязань, Владимир-на-Клязьме, Суздаль или, например, Смоленск, были пострадавшие чуть меньше – как Ростов Великий или Новгород. Как результат, рукописи домонгольского времени, происходящие, например, из Рязани, Смоленска или Суздаля, неизвестны. Разумеется, эта диспропорция сохранности рукописного наследия ощущалась исследователями, что не всегда приводило к верным выводам. Именно так стоит объяснять тот факт, что до недавнего времени все рукописи с

² По подсчетам А. А. Турилова, около 20% описаний, вошедших в издание 1984 г. нуждались в разного рода корректировках – не только рукописи, отнесенные к XIII в.

развитым тератологическим орнаментом объявлялись новгородскими³, — ведь рукописи с других территорий представляют собой исключение.

4. Естественно, что такое знание наложило отпечаток и на традицию собирания рукописных коллекций. Так, археографические экспедиции, начиная с Г.Ф. Миллера, направлялись прежде всего в те регионы, где можно было рассчитывать на находки. Собственно, первая названная археографической экспедиция П. М. Строева отправляется именно на север России, а не в Смоленск или Рязань.

На юг, на Балканы, в те земли, которые практически не были освоены любителями славянских древностей, едет В. И. Григорович, которому мы обязаны бесценными находками. В опубликованных отчетах, заметках и пространных очерках он порой весьма живописно описывает подробности своего перемещения по не слишком дружелюбным местам, оставляет характеристики этих мест, дает общий обзор увиденных им рукописных книг, предлагает замечательные очерки нравов, портретные зарисовки встречавшихся ему примечательных лиц, но вовсе не стремится сообщить, где именно и при каких обстоятельствах были приобретены им рукописи и их фрагменты, составившие позднее его фонд⁴ или попавшие в другие собрания.

Собственно, это отчасти и послужило поводом для инвектив О. М. Бодянского, который, метя в Григоровича, уподобил его и подобных ему собирателей албанским разбойникам: «Не меньше потерпели рукописные сокровища Афона и от нового рода Шкипетаров, так называемых любителей древностей, которые, увлекаясь преступною страстью к обладанию ей, нередко позволяли себе при плохом дозоре за ними вырезывать целые листы из замечательных рукописей и даже похищать оные целиком. К сожалению, новые книжные вандалы были преимущественно наши земляки, подвизавшиеся таким добрым подвигом, в особенности с сороковых годов» (Бодянский 1873: 2, примечание)⁵.

5. Не касаясь этической стороны такого собирательства, не могу не заметить, что сам «плохой дозор», как кажется, не вызывает никаких

³ См., например, (Ильина, 1978).

⁴ РГБ. Ф. 87.

⁵ Конечно, резкости высказывания способствовали и личные счеты: Виктор Иванович был приглашен в Московский университет занять кафедру Осипа Максимовича.

сомнений. Лежащие в небрежении рукописные книги – не фигура речи. Свидетельства того же Григоровича вполне красочны. Например, об одной обители говорится, что «находятся еще рукописи в разных местах внутри и вне монастыря, но многие также закопаны, сожжены или пошли на разные снадобья в виноделии, рыболовстве и проч. и проч.» (Григорович 1877: 61); о другой – что предшественник игумена сжег книги и «по полу разбросаны гнилые окладки и листки книг – последний остаток когда-то богатого книгохранилища» (Григорович 1877: 110). В целом некоторое разочарование путешественника выглядит вполне естественным «при господствующем здесь даже о своих собственных библиотеках совершенном неведении» (Григорович 1877: 12).

Стоит ли удивляться, что первый из найденных в Казани отрывков был атрибутирован как часть довольно известного кодекса, чьи части в настоящее время обнаружены в пяти собраниях⁶. Куски этого замечательного Требника, содержащего уникальные тексты, были привезен из Слепенского монастыря тремя разными людьми, побывавшими там независимо друг от друга в разное время (Буслаев 1861: 115–116; Загребин 2006). Первым был В. И. Григорович, через двенадцать лет после него обитель посетил А. Ф. Гильфердинг, а спустя какое-то время архимандрит Антонин Капустин подобрал в этом отдаленном монастыре то, что не заметили его предшественники.

6. Второй из обнаруженных в Казани отрывков представляет собой части замечательного Четвероевангелия, которые были обнаружены Григоровичем в Хиландарском монастыре, и в настоящее время также оказались в разных собраниях⁷, причем последовательность текста в них еще более замысловатая: между частями, принадлежавшими А. Ф. Бычкову, должны располагаться все остальные известные фрагменты; фрагмент, находившийся в собрании В. М. Ундольского, и фрагмент, приобретенный П. П. Вяземским для Общества

⁶ РНБ, О. п. I. 14; ГИМ, Хлудов, 121; РГБ, Григорович, 35; НБ КФУ, 10401; РНБ, Гильфердинг, 70. При этом утраты есть не только между частями, находящимися в разных собраниях, но и сами единицы хранения иногда представляют собой фрагменты, происходящие из разных частей кодекса.

⁷ РНБ, Бычк. 3666, НБ КФУ, № 10402, РГБ, Унд. 965, РНБ, ОЛДП, О. 75, РГБ, Григ. 10.

любителей древней письменности, когда-то помещались между листами теперешнего казанского отрывка.

Замечательно при этом, что В. И. Григорович, привезя из Хиландарского монастыря найденные куски рукописи, не сумел отождествить их, считая значительные фрагменты древней книги – и это видно по его публикациям⁸ – принадлежащими к различным кодексам.

Разумеется, мы не можем быть уверены, что В. И. Григорович подобрал все части, очевидно, разрозненной рукописи, как не можем быть уверены, что Григорович, Гильфердинг и Антонин Капустин проявили исключительную тщательность при посещении чуланов Слепченского монастыря и ими были обнаружены все имевшиеся на тот момент в наличии части Требника.

Однако и в случае с частями сербского Требника, и в случае с частями среднеболгарского Евангелия мы видим, что количество фрагментов, на которые разделены эти древние кодексы, свидетельствуют о том, что привезенные части дробились уже после того, как были привезены с Балкан. В случае с названными рукописными книгами виновник очевиден – это В. И. Григорович, который охотно делился частями привезенных кодексов с коллегами. Именно так фрагмент Требника оказался у старообрядца Хлудова, фрагменты Евангелия – у В. М. Ундольского⁹ и А. Ф. Бычкова, фрагменты обеих рукописей – у неизвестного нам по имени казанского собирателя.

7. Чрезвычайно показателен фрагмент Четвероевангелия, купленный П. П. Вяземским у Ильинских ворот в Москве и находящийся с этого времени в коллекции Общества любителей древней письменности. По надписи на приложенном к пергаменному отрывку листке бумаги устанавливается, что в 1861 г. он был подарен Григоровичем священнику 2-го Нижегородского приюта А. В. Кармазинскому¹⁰, после чего оказался в антикварной лавке купца Силина¹¹.

⁸ Часть, которая хранится в фонде Григоровича в РГБ, был описана им отдельно – как состоящая из 39 листов (Григорович 1852: 97, № 4).

⁹ Надпись карандашом на л. 1 свидетельствует о времени и месте, когда Ундольский получил этот фрагмент: «Казань 12 янв. 1855 г.».

¹⁰ «Пергаменный листокъ, подаренный покойнымъ В. И. Григоровичемъ въ 1861 священнику Нижегородскаго 2-го приюта А. В. Кармазинскому.

Священник Кармазинский точно не относится к числу исследователей славянской письменности, так что подаренный ему Григоровичем отделенный от блока книги листок, должно быть, представлял собой сувенир, привезенный из дальних странствий. Похоже, что как сувениры были раздарены и казанские фрагменты, и многие листы этих, а также, вероятно, и многих других привезенных Григоровичем рукописей. Я бы сказал, что для самого Виктора Ивановича найденные им на Афоне или македонских обителях части кодексов были прежде всего своеобразными реликвиями, которые, как и положено реликвиям, должны были освятить их обладателя, приобщив к миру древней славянской письменности.

Надо заметить, что и ученые мужи нимало не смущались, получая подобные дары, – момент, когда становится понятна истинная ценность памятников настанет по крайней мере несколькими десятилетиями позднее.

Как следствие, приходится признать, что многие фрагменты славянских рукописей, даже спасенные с чердаков или из сырых подвалов балканских монастырей, были безвозвратно утрачены и лишь чудом еще могут быть обнаружены.

8. По-видимому, то небрежение, в котором находились славянские рукописи в балканских обителях, должно было хотя бы отчасти передаться В. И. Григоровичу. Славянские рукописи предстают перед ним как очевидно утратившие актуальность, а увидеть их научную ценность будущий профессор Казанского, Московского и Новороссийского университетов, вероятно, не мог.

Но, как кажется, то самое «небрежение» оказалось причиной, по которой какое-то число древних славянских рукописей до нас все же дошло. Там, где книги не были в небрежении, они неминуемо

Куплен въ Москвѣ 25 Августа 1879 у купца Силина у Ильинскихъ воротъ. Самая же рукопись изъ коей извлеченъ этотъ листокъ принадлежала Хиландарскому монастырю и продана Румян. Музею вмѣстѣ съ прочими рукописями покойнаго, его наслѣдниками. Свѣденія эти сообщены А. Е. Викторовымъ изъ печатаемаго имъ в 1879 Отчета по Рум. Музею. Евангеліе отъ Луки Зач. ѓз. и ѓи. За листокъ заплачено пять рублей; все 18 листковъ куплены вмѣстѣ по пяти рублей каждый».

¹¹ Сведения эти были известны уже первому описателю собрания Григоровича в Румянцевском музее А. Е. Викторову (Викторов 1879: 9).

приходили в полную негодность: читаемые книги, книги, используемые в богослужении, ветшали, переписывались, заменялись новыми списками. А поскольку славянская традиция не предполагает устройства генизы, неиспользуемые книги шли в дело (на поплавки ли для сетей или укрепление переплетов – не так важно) или, как мы знаем, бывали уничтожены иным способом. Таким образом, мы унаследовали то, что, буквально, плохо лежало там, где руки не дотянулись разобрать книжные залежи на нужное и ненужное.

Иными словами, древность сохранялась там, где до нее не было дела – на периферии славянского книжного мира, в удаленных ли монастырях, где насельники-греки сменяли славян, или там, где древние монастыри оказывались в запустении, а то и почти заброшенными. Как кажется, это должно означать, что и то, что сохранилось, в значительной степени представляет собой памятники «периферийной» книжности и далеко не лучшие образцы славянской письменности.

Иначе трудно объяснить, почему, например, вообще сохранились глаголические рукописи за пределами территории, где глаголица просуществовала практически до начала Нового времени, или почему рукописи кириллические сохраняют порой единственные сохранившиеся копии невероятно архаичных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

- Амерханова, Лифшиц I – *Амерханова Э. И., Лифшиц А. Л.* Неизвестный отрывок хиландарского Евангелия В. И. Григоровича в собрании библиотеки Казанского университета // *Древнерусское искусство: Искусство рукописной книги. Вып. 5: Libro Manuscripto Inspirata: памяти Инны Павловны Мокрецово́й (1935–2020) / Сост. и отв. ред. Э. Н. Добрынина. М.: Государственный институт искусствознания (в печати)*
- Амерханова, Лифшиц II – *Амерханова Э. И., Лифшиц А. Л.* Рукопись из Доброми́рских дебрей: о фрагментах Слепченского Третьника кон. XIII в. // *Археографски прилози. 2024. № 45 (в печати).*
- Бодянский 1873 – *Бодянский О. М.* Акт Зографского монастыря на Афоне. 980–981 года // *ЧОИДР. 1873. № 1. Отд. III. С. 1–10.*
- Буслаев 1861 – *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1861. Т. 1.
- Викторов 1879 – *Викторов А. Е.* Собрание рукописей В. И. Григоровича. М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1879.

- Григорович 1852 – *Григорович В. И.* Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань: тип. Имп. Казанского ун-та, 1852.
- Григорович 1877 – *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции, Виктора Григоровича (С картою окрестностей Охридского и Преспанского озер). М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1877.
- Загребин 2006 – *Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 232–262.
- Ильина 1978 – *Ильина Т. В.* Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков XII–XV вв. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978.
- СК XI–XIII – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984.
- Турилов 2002 – *Турилов А. А.* Приложения // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М.: Индик, 2002. С. 559–664.
- Шеламанова 1966 – Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР: (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно») // Археографический ежегодник за 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 177–272.

Alexander L. Lifshits

National Research University

Higher School of Economics, Moscow, Russia

Kazan' Fragments Belonging to V. I. Grigorovich: On the Preservation of Early Slavic Manuscript Heritage

Several fragments of Slavic manuscripts discovered in the library of Kazan University invite us to reconsider the nature of the surviving monuments of Slavic writing. Brought in the 19th century from the Balkans, these codices and their parts were often perceived as relics rather than written sources. The tradition of collecting characteristic of Russia until the third quarter of the 19th century often led to the partial loss of ancient codices. At the same time, ancient manuscripts were better preserved in places of their origin simply because they had gone out of use. This happened primarily on the periphery of the Slavic world or due to the archaic nature of texts contained in the manuscripts.

Key-words: Slavic manuscripts, V. I. Grigorovich, collecting, archeography, codicology